

narażony na „schizofrenię ról” niż jakkolwiek inny opowiadacz, łatwiej zyskujący zaufanie czytelnika i jeszcze łatwiej je... tracący. Postać ciekawa i ciekawska. Mówiąca zawsze i tylko o sobie. Lecz czy cały nasz świat nie zamyka się w granicach „JA?” (s. 215-216).

Obserwując rozwój polskiej prozy pierwszoosobowej po 1956 roku w perspektywie poetyki narracji, autorka formułuje również ważne wnioski o charakterze historycznoliterackim. Przede wszystkim stwierdza istnienie dwóch orientacji w ewolucji tej prozy: etycznej (od 1956 r. do końca lat osiemdziesiątych) oraz estetycznej (w latach dziewięćdziesiątych). Narracja w pierwszej osobie funkcjonująca w ramach pierwszej orientacji była podporządkowana wartościom etycznym i problematyce moralnej, natomiast w ramach drugiej orientacji podlegała estetyce. Nowy, estetyczny sposób istnienia narracji „ego-centrycznej” nie wykluczył z prozy ostatniego dziesięciolecia etycznego sposobu jej istnienia, implikował jednakże supremację wartości estetycznych w tej fazie rozwoju polskiej prozy pierwszoosobowej. W nowej odmianie prozy o orientacji estetycznej wartością może stać się sama forma narracyjna czy gra z konwencją literacką.

„Narracja pierwszoosobowa – konstatuje B. Kaniewska w zakończeniu książki – przestaje być po prostu formą przekazu podporządkowaną sensom czy wartościom, ale zaczyna te wartości tworzyć, konstruuje lub niszczy fabułę, wykrzywia świat po swojemu, kreuje go, rezygnując z zasad prawdopodobieństwa – w imię samego aktu opowiadania, przyjemności posługiwania się literackim tworzywem, którym przestał już być po prostu język. Stała się nim cała literatura wraz z jej tradycjami, konwencjami, chwytami, gatunkami i ...słabościami” (s. 223-224).

Bolesław Chamot

ЕЛЕОНОРА СОЛОВЕЙ:
*УКРАЇНСЬКА ФІЛОСОФСЬКА
ЛІРИКА*,
Київ: Юніверс, 1998, с. 368

Наука о литературе в Украине переживает в последнее десятилетие своеобразный момент истины, должный разрешиться ответом на ряд основополагающих вопросов. Эти вопросы касаются не столько тонкостей новейших методологий, идущих на смену марксистско-ленинской, сколько проблемы выживаемости, жизнеспособности литературоведческой традиции в стране. Впечатление от откровенного сервизизма гуманитарных наук в советской Украине приводит к печальному выводу об отсутствии этой традиции, о необходимости практически на голом месте отстраивать здание украинского литературоведения.

Поэтому так актуальны и своевременны работы, цель которых – ренитерпретация произведений, поиск новых ценностных систем, „остранение” при взгляде на казалося бы изученные и известные литературные факты. Движение научной мысли в Украине началось от её сакрального центра – творчества Тараса Шевченко. Шевченковедение пополнилось незаурядными исследованиями. (В первую очередь это работы Григория Грабовича и Оксаны Забужко). „Мозговая атака” обрушилась на литературу эпох романтизма и модернизма, которые нуждались не столько в переосмыслении, сколько в тщательном изучении с учетом опыта разнообразных теоретических дискурсов. Важную роль в актуализации этой проблематики сыграли работы Татьяны Бовсунивской, Соломии Павлычко и Тамары Гундоровой.

Вместе с тем, если вести речь о пересоздании науки, нельзя не обра-

тить внимание на похвальную во всех отношениях (кроме одного аспекта) академичность вышеназванных работ. Они написаны в высшей степени научным языком и рассчитаны на коллег-специалистов. Таким образом, строительство „нового здания” науки началось с крыши. Студентам же, еще не освоившим современную научную лексику, предлагаются преимущественно учебники, изданные в лучшем случае в годы перестройки.

Рецензируемое издание – *Українська філософська лірика* может быть примером обретенного единства казалось бы разновекторных усилий. Книга Э. Соловей, освещаая комплекс теоретических и историко-литературных проблем, связанных с феноменом философской лирики, вместе с тем издана как учебное пособие для преподавания соответствующего спецкурса студентам высших учебных заведений. Прагматика учебного пособия предопределяет структуру размещения материала, обуславливая его систематичность и непрерывность изложения. Закономерной выглядит линейная перспектива – после ранних этапов развития философско-поэтической традиции в мировой литературе следует переход к истокам украинской философской лирики, и далее хронологично излагаются наиболее важные моменты становления этого жанра.

К вопросу о жанре философской лирики (ФЛ) автор обращается в начале работы, настаивая не на определениях, а на проблематичности всяческих определений в данном случае. Перечисляя многочисленные попытки исследователей дать определение ФЛ и, не менее частые, – обойти этот вопрос стороной, автор резюмирует: „понятие жанр по отношению к ФЛ правомерно и необходимо, но, очевидно, использовать

его следует только в самом широком общем смысле, не пытаясь вывести какую-то универсальную структуру” (с. 23).

Существование особого жанра ФЛ основывается, по мнению автора, уже на самом факте выделения и исследования определенной группы текстов лирического рода. Причиной же выделения в общем „лирическом” потоке этой группы произведений автор считает наличие общего для них „вектора” направленности, усилий на достижение смысла, „лирического переживания, возвышенного до уровня миропонимания” (с. 36).

Поиски жанра ФЛ продолжаются и в заключительном разделе книги, посвященном поэтике философской лирики. Применение комплексного подхода к изучаемому явлению, ретроспективный анализ многовековой традиции ФЛ позволили автору определить специфические характеристики жанра. Это – наличие ключевых образов – метода „наращивания содержания”, его „возрастания”, вопросительные конструкции – авторские вариации на темы „вечных вопросов”; антитетичность и афористичность философской лирики. Опыт исследования философской лирики, как убедительно доказывает автор, дает право считать её „явлением жанровым, поскольку она предполагает во всех случаях не только тематический признак, не только определенный „предмет изображения”, но и способ этого изображения... который закономерно склоняется к своеобразной системе художественных приемов и вне их не может быть воплощен адекватно” (с. 36).

Безусловно, главной темой исследования остается украинская философская лирика в контексте мировой традиции. В обзорных главах, посвященных 17–18 векам и триаде

циональных корифеев (Шевченко – Франко – Леся Украинка), автор не чурается черновой работы: обстоятельно критикует продекларированные во многих изданиях, диссертациях, учебниках вопиюще конъюктурные интерпретации мировоззрения того же Шевченко как ортодоксально-материалистического. Реальность такова: что кажется уже вполне очевидным для научных кругов столицы, для провинциальных вузов может прозвучать откровением. Важно подчас просто артикулировать, озвучить давно назревшее мнение, дать возможность тому или иному преподавателю или студенту опережаться на авторитет академического ученого.

Центральными главами исследования (и его наибольшими удачами) стали разделы от творчестве поэтов нашего столетия.

Открывают этот ряд имена Богдана -Игоря Антонича и Владимира Свидзинского. По мнению автора они наиболее полно представляют мифопоэтическое направление украинской ФЛ. „Творчество молодого Павла Тичины, Богдана -Игоря Антонича, Владимира Свидзинского, лирико-философский образ мира каждого из них, позволяет увидеть национальную философско-поэтическую традицию в её неосуществленной полноте, а поэзия Антонича дает редкую возможность „вычитать” в ней самой оригинальную „теорию” философской лирики, природы и возможностей этого типа творчества” (с. 118).

Тип творчества, представленный поэзией Антонича, отмечен максимальным напряжением чувства и мысли, целенаправленным поиском синтеза мыслительного, аналитического с эмоциональным, интуитивным. Вместе с тем, творчество для Антонича – мука невысказанности,

несоответствия сказанного прочувствованному. Исследователь отмечает, что поэту свойственно ощущение греховной природы поэтического слова. „Антонич... отразил драматическое, если не трагическое противоречие сознания человека века, для которого уже недоступна ясная, неомраченная, неущербная вера – „солнечная вера”, гармония души” (с. 127).

Поэзия Владимира Свидзинского – одна из многих страниц украинской литературы, требующих тщательного прочтения. Обстоятельства сложились так, что открытие Свидзинского для широкой читательской аудитории по сути только начинается.

Раздел пособия, посвященный Свидзинскому, едва ли не первое в отечественной науке масштабное теоретическое исследование его творчества. Автор, сопоставляя Свидзинского с Антоничем, отмечает „раннюю зрелость” поэта: „своеобразие поэтического миропонимания Свидзинского проявилось с самого начала его творчества” (с. 139). Это своеобразие складывалось из ощущения первородства, права перетворения мира. Поэт предстает новым Адамом, которому еще предстоит дать всему в мире свои имена. Мифотворчество Свидзинского, замечает Э. Соловей, дорефлексивно, оно поистине уникально благодаря высокой мере гармонии, тихого согласия с миропорядком, точнее – дара сотворения органического мироустройства в своем поэтическом мире.

Анализ текстов, выявление специфики индивидуального мировоззрения, перебиваются обобщениями относительно всей украинской философской лирики. Так, отметив тягу Антонича к заголовкам типа „До дна”, „Дно тиши”, „Дно пейзажу”, Э. Соловей замечает: „Дня поэтики украинской ФЛ характерны – в порыве к поз-

нению сути явлений – преобладание специфических форм гиперболы, обрзуемых удвоением понятий” (с. 131). Предлагаемые примены от Б. -И. Антонича до В. Стуса создают дополнительную цепочку единения, непрерывности традиций, на котором автор весьма настаивает.

Отдельная глава – „Парадигма бытия в поэзии неоклассиков” посвящена поэзии Миколы Зерова. Это поэт „мощного интеллектуально-философского начала”, опирающийся на всю „знаковую систему” мировой культуры. Анализ творчества Зерова служит вместе с тем поводом для обращения к проблеме неоклассиков, их роли и места в украинской литературе. Полемизируя с Ю. Шерехом, который в своей статье „Легенда об украинской неоклассицизме” утверждал, что Зеров неоклассик скорее в замысле, чем в действительности, Э. Соловей использует противоречия мнений вокруг Зерова для нового прочтения его поэзии в русле собственно философской лирики. Анализ особенностей творческой саморефлексии поэта, его стремления к эпизации, обобщению собственных переживаний обуславливает возможность называть Зерова философским поэтом, для которого неоклассицизм оказался „оптимальным способом воплощения его философско-поэтического миропонимания, способом поэтической реализации „культурологической” бытийственной парадигмы” (с. 202). Глава, посвященная советским поэтом, которые существовали в ситуации „заблокированности”, возможно, наиболее спорная в своих выводах. Э. Соловей, отстаивая идею непрерывности традиции, представляет творчество Василя Мысика, Игоря Муратова, Леонида Первомайского, Миколы Бажана как продолжение

интенций неоклассицизма, важный вклад в сокровищницу украинской поэзии. „Поэзия (этих авторов) ...составила в советский период магистральную линию развития философской лирики, засвидетельствовав в этих условиях неистребимость жанра, своеобразную его регенерацию из реальных потребностей литературы, которая благодаря своим внутренним законам эстетического саморазвития непреодолимо стремится к полноте и полноценности” (с. 204). В этой позиции автора нам видится некая уступка замыслу, стремлению предложить стройную, ясную теорию, уступка, понятная в рамках учебного пособия.

Пример Василя Стуса, раздел о творчестве которого по праву может быть назван „философско-лирическим”, так как оставляет впечатление некоего личного послания автора поэту, ощутимо контрастен по отношению к предыдущему. Поиски настоящего, истинного бытия В. Стусом необычайно обостряет экзистенциальное измерение его поэзии. Это не может не вызывать личностного отклика как читателя, так и исследователя. Э. Соловей приходит к парадоксальным, образным определениям: „Поэтика Стуса – это поэтика максимальной творческой бережливости, поэтика творческого максимализма” (с. 287). Посмертные почести, воздаваемые поэту-диссиденту, к сожалению, угрожают заглушить интерес к его поэзии. Писать о творчестве В. Стуса с позиций поэтики, а не идеологии, способен сегодня далеко не каждый исследователь: срывает „внутренний цензор”, некая инерция мышления, ищущего новых героев для своих схематических построений. Образ Стуса – мученика идеи пришелся впору стремящимся заполнить пустующую идеологическую нишу в культурном пространстве Украины.

Это обстоятельство породило буквально лавину публикаций, отмеченных печатью безвкусной казенщины. Тем более ценно, что в книге Э. Соловей В. Стус предстает деканонизированным, извлеченным из кошмарного контекста будней, перенесенным в систему координат поэзии, не заангажированной тем или иным политическим строем, а только лишь личностью творца, который в своей трагической уязвимости не может не откликнуться на трубный глас эпохи.

Книга *Українська філософська лірика* – исследование этапное. С одной стороны, она подводит итоги многолетнего изучения поэтического явления. С другой, работа Э. Соловей служит стимулом для углубления дальнейших исследований философской лирики на украинской почве. Хочется верить, что этот „вызов” будет услышан.

Василий Костюк

LITTERARIA HUMANITAS V, ZAPAD A VYCHOD II, *TRADICE A SOUČASNOST* (Literární směry a žánry ve slovanských a západních literaturách jako reflexe stavu světa), Ustav slavistiky na filozofické fakultě Masarykovy univerzity, Brno 1998, s. 178.

Najnowszy brneński zbiór zawiera prace będące kontynuacją problematyki z wcześniejszego tomu III tej samej serii (recenzja: „Z.R.L”. t. XL), przyświeca mu więc podobne założenie metodologiczne. Wywodzi się ono z ducha strukturalnej semiotyki (dominującego współcześnie kierunku interpretacyjnego), koncentrują-

cej się wokół morfologii dzieła, ciągnącej ku hermeneutyce, ku temu co przedsiębiorali w swych badaniach Schleiermacher, Dilthey, Špet, Kerényi, Betti, Gadamer, Ricoeur i Foucault. W trzynastu rozprawach brneńskich slawistów i romanistów widoczny jest szeroki rozrzut materiału egzemplifikacyjnego (obejmującego utwory z IV, VI i IX wieku, wybraną literaturę renesansu, baroku i romantyzmu aż po pozycje dziewiętnasto i dwudziestowieczne), uwzględniającego rozmaite gatunki literackie (satyra menippejska, formy hagiograficzne, powieść, nowela), różnorodne literatury narodowe i rozmaite ujęcia komparatystyczne.

D. Bartonková (*Satira menippeae nell' opera di Giuliano L'Apostata*) przekonuje, wbrew sugestiom niektórych badaczy o związkach dzieła Juliana Apostaty z tradycją literatury rzymskiej – Warrona i Seneki, że twórczość rzymskiego cesarza jest jednak bliższa wpływom greckim. Autorka, odwołując się do pochodzenia menippeae (Menippos z Gadyry, Bion z Borystenu), do zwyczaju wciągania homeryckich wersów do prozy, zabiegu stanowiącego podstawę tzw. prosimetrum, dokonuje bardzo szczegółowych analiz syntaktycznych na rozmaitych fragmentach tekstów greckich, by w ten sposób wyrazić przekonanie o związkach satyry menippejskiej cesarza Juliana z prosimetrum u Lukiana z Samosaty.

D. Baránková skupia swą uwagę na (*Podoba hagiografického „nad” žanru ve II knize Dialogů Rehoře Velikeho*) tekstach hagiograficznych, ściślej na ich prototypie łańskim. Autorka przywołuje legendę *Żywot św. Benedykta*, zamieszczonej w II księdze *Dialogów* Grzegorza Wielkiego i dokonuje analizy formalnej i semiotycznej tego tekstu. Wynika z niej wniosek, że gatunek hagiograficzny jest ściśle zespolony z legendą, a także z opowiadaniem, nowelą, baśnią i że zawarty w nim bieg życia głównego bohatera oparty jest na schemacie biogra-